

ЮЛИЯ ИВАНОВНА ФАУСЕК И ДЕТСКАЯ ПЛОЩАДКА ПО МЕТОДУ МОНТЕССОРИ ПРИ ЖЕНСКОМ ПЕДАГОГИЧЕСКОМ ИНСТИТУТЕ

Судьба и педагогический опыт этой талантливой и героической женщины — Юлии Ивановны Андрусовой-Фаусек — в последние годы вызывает особый интерес исследователей истории отечественной науки¹.

Рано оставшаяся без отца дочь черноморского вольного штурмана, сестра будущего академика, геолога и палеонтолога Н. И. Андрусова, Юлия Ивановна приехала покорять Санкт-Петербург семнадцатилетней, в 1880-м. Преодолев многочисленные трудности, она добилась права на получение высшего образования на Высших женских Бестужевских курсах, где была ученицей ботаников А. Н. Бекетова и А. С. Фаминцына, химиков А. Н. Бутлерова и Д. И. Менделеева, зоологов Н. П. Вагнера и К. С. Мережковского, физиологов Н. Е. Введенского и И. М. Сеченова. До сорокасемилетнего возраста жизнь Юлии Ивановны с ее мужем, зоологом Виктором Андреевичем Фаусеком, была трудной в материальном отношении, но счастливой. Научно-исследовательский, педагогический, художественный таланты и неустанный труд обоих обеспечили им признание и искреннюю любовь со стороны прогрессивной петербургской научной и артистической интеллигенции. Чета Фаусек была желанным гостем в кружках Стасовых и А. Н. Плещеева, поддерживала тесные дружеские отношения с семьями писателя Вс. М. Гаршина, музыканта К. Ю. Давыдова, художников Н. И. Ярошенко и А. И. Куинджи, скульпторов В. А. Беклемишева и Л. В. Позена. Исследования в области зоологии беспозвоночных, проведенные Юлией Ивановной в зоотомическом кабинете Санкт-Петербургского университета (она стала первой женщиной-ученой, переступившей его порог), снискали ей также и славу одной из первых российских женщин-протистологов и действительных членов Общества естествоиспытателей.

Однако научной карьере она предпочла педагогическую: эти способности Юлии Ивановны были отмечены первыми ее наставниками в этой области — П. Ф. Лесгафтом, В. Я. Стоюниным и А. Я. Гердом. До 1910 г. она преподавала в наиболее прогрессивных, гуманистически и демократически ориентированных частных учебных заведениях столицы — гимназиях М. Н. Стоюниной и кн. Оболенской, а также в Коммерческом училище М. А. Шидловской, выработав уникальный метод активного наблюдения за развитием детей в процессе их обучения.

В 1910 г. началась серия трагических событий, выпавших на долю Ю. И. Фаусек. Безвременно, один за другим, ушли из жизни старший сын Всеволод (молодой талантливый психолог), муж Виктор Андреевич (к тому времени профессор и обожаемый студенческой молодежью директор Бестужевских курсов) и средний сын Владимир (студент-зоолог). Позднее, в 1938 г., был расстрелян младший сын Николай, талантливый авиаконструктор.

Спасением и смыслом дальнейшей жизни, по ее собственным словам, стала для Юлии Ивановны система Марии Монтессори, с которой она познакомилась сначала по книге, а затем и очно, в Риме, куда она с этой целью приехала в 1914 г.²

С 1913 по 1930 г. Ю. И. Фаусек, несмотря на почтенный возраст и тяжелейшие социально-экономические условия (Первая мировая война, Февральская и Октябрьская революции, Гражданская война, советские реформы образования), ежедневно работала с детьми в организуемых ею детских садах по методу Монтессори. Буквально до своей гибели в феврале 1942 г. в блокадном Ленинграде Юлия Ивановна неустанно пропагандировала ее систему на всех уровнях: в Наркомпросе, на ученых советах и кафедрах педагогических институтов (прежде всего в «родном» Педагогическом институте дошкольного образования — ЛГПИ), на курсах повышения квалификации педагогов, в своих многочисленных книгах и статьях. С весны 1930 г., будучи уволенной из своего детского сада и из ЛГПИ, она не прекращала исследовательской и просветительской деятельности — и публичной, и непубличной — в многочисленных рукописях, большая часть из которых до сих пор не опубликована.

Предметом исследования в данной работе стал период деятельности Ю. И. Фаусек, связанный с Женским педагогическим институтом (ЖПИ) на Петроградской стороне и павший на кризисные для истории России 1917–1919 гг.³

Для получения полного представления об объеме и условиях проделанной Ю. И. Фаусек за этот период работы следует сделать три предуведомления.

Во-первых, автор относится к Юлии Ивановне Фаусек не как к последовательнице, а как к полноправному соразработчику метода научной педагогики, вошедшей в историю под именем Марии Монтессори. Научная добросовестность, безупречная этика и личная скромность Юлии Ивановны, в полной мере проявившиеся в ее опубликованных работах, на протяжении восьми десятилетий скрывали от глаз малочисленных исследователей ее опыта тот громадный вклад в систему Монтессори, который внесла наша соотечественница. Это касается и метода активного наблюдения, и разработки авторских методик, и дидактических материалов по развитию речи, и многого другого. Но главное связано с условиями, в которых пришлось работать Ю. И. Фаусек — революционными и послереволюционными годами, на которые выпало и сотрудничество Ю. И. Фаусек с Женским педагогическим институтом. В вековой мировой истории Монтессори-педагогики не было иного опыта, когда все ее основные развивающие и образовательные эффекты были достигнуты за столь короткое время (всего за три месяца) по отношению к такому количеству подопечных (до 150 человек) и в столь тяжелых, нечеловеческих для детей условиях. В этой связи Н. А. Лабриола, близкая соратница Марии Монтессори, вспоминала о том безмерном уважении и почтении, который доторесса выказала по отношению к книге «Метод Монтессори в России» и опыту Ю. И. Фаусек во время их последней встречи в Риме в ноябре 1924 г.: «Сначала Монтессори читала рукопись перевода книги в присутствии других и вдруг встала, ушла к себе в кабинет и заперла дверь. Через час она вышла вся в слезах...

— *Lavoro meraviglioso e maestro maravilliosa!*⁴ — сказала она».

На память об этой встрече до последних своих дней Юлия Ивановна хранила портрет Монтессори с ее собственноручной дарственной надписью: «*Il sico lavoro in Russia non solo interpreta, ma nobilità il mio. Con grande rispetto. Sua Maria Montessori*»⁵.

Во-вторых, на протяжении всего этого времени Ю. И. Фаусек одновременно вела работу в созданных ею детских садах по системе Монтессори: при Коммерческом училище М. А. Шидловской (до октября 1918 г.) и при 25-й советской школе (с ноября 1918 по июнь 1919 г.). Кроме того, с октября 1918 г. она заведовала кафедрой по системе Монтессори в Педагогическом институте дошкольного образования, где в качестве профессора преподавала ее систему, а также проводила в Северо-Западном регионе краткосрочные курсы по дошкольному образованию для будущих воспитателей детских садов.

В-третьих, работа в эти голодные годы на детской площадке при Женском педагогическом институте для Юлии Ивановны была не средством дополнительного заработка, но подлинным служением детству в эту революционную пору. Она не только не получала

заработную плату, но наоборот — вкладывала собранные ранее по ее инициативе денежные средства в ремонт, приобретение оборудования и расходных материалов (иногда в дополнительное питание ослабленных детей и сотрудниц). И это помимо подлинно выдающихся педагогических «вложений», о которых и пойдет речь в этой статье.

Деятельность Ю. И. Фаусек при Женском педагогическом институте имеет свою предысторию — дальнюю и близкую.

Дальняя предыстория заключается в том, что в сентябре 1913 г. руководительница Фребелевского детского сада при Первом женском педагогическом институте Л. О. Петцель, вернувшаяся из командировки в Милан, привезла дидактический материал Монтессори и демонстрировала его петербургской общественности.

Это событие могло бы стать первой встречей Юлии Ивановны с «живым» дидактическим материалом Монтессори, если бы за три месяца до этого она не познакомилась с физиком В. В. Лермантовым, у которого также был полный комплект материала, выписанный им из США. Комплект Лермантова стал базовым для первого в России детского сада по системе Монтессори (располагался на Шпалерной улице, дом 7), который Юлия Ивановна открыла 10 октября 1913 г. при содействии профессора С. И. Созонова (бывшего тогда директором Коммерческого училища Шидловской) и самой М. А. Шидловской. Комплект же Л. О. Петцель, судя по всему, стал материальной основой для детской площадки по методу Монтессори при ЖПИ.

А вот и ее ближняя предыстория.

В июле 1916 г. под председательством графини Паниной было созвано особое совещание по вопросам призрения детей всех возрастов. С мая 1917 г. члены совещания, в том числе Ю. И. Фаусек, стали сотрудниками вновь созданного Министерства государственного призрения (собранный ими за год обширный материал, в том числе про детские дома по системе Монтессори, погиб во время Октябрьской революции). Большое внимание Ю. И. Фаусек уделяла также финансовой и организационной стороне вопроса. Так, например, знаменитый пианист и дирижер А. И. Зилоти организовал в зале бывшей Городской думы ряд бесплатных народных концертов в пользу «Первого городского детского дома по системе Монтессори» (проект здания для него разработал известный архитектор С. С. Кричинский). Неоднократно Юлия Ивановна обращалась за поддержкой и «во власть», в результате чего городской голова И. И. Толстой обещал выхлопотать участок земли в Петровском парке для постройки этого детского дома.

Но эти грандиозные усилия, увы, не увенчались успехом — проекты рухнули в одночасье после Февральской революции, а деньги (1500 рублей), собранные с концертов, были переданы Ю. И. Фаусек для устройства детской площадки по системе Монтессори; этих денег хватило на два лета.

«В то время в Петрограде существовало очень интересное учреждение под именем “Детский городок”, энергично работавшее, главным образом, над распространением просвещения вне школы для детей школьного возраста, детей улицы, не попавших в школу⁶, — вспоминала Ю. И. Фаусек об этом периоде своей деятельности. — Большое участие в направляющем смысле принимал в этой работе С. И. Созонов. Группа учителей и учительниц бескорыстно и преданно отдавали все свое свободное время этой работе. Они организовывали клубы и площадки для детей и подростков, устраивали библиотеки. На площадке собирались дети всех возрастов, для них устраивались различного рода занятия; были небольшие дети; дети дошкольного возраста и совсем малютки; к услугам последних были кучи песку, и руководительницы вели с ними игры⁷».

Юлия Ивановна предложила устроить не просто площадку для дошкольников, но площадку-школу с дидактическим материалом Монтессори (имевшимся в распоряжении Женского педагогического института). Устройству такой площадки организационно со-

действовал преданный друг Ю. И. Фаусек — С. И. Созонов, бывший профессором химии в Женском педагогическом институте.

У Юлии Ивановны были две помощницы — Е. П. Тыминская и А. А. Перроте (впоследствии известная московская учительница).

Работа детской площадки продолжалась с 1 июня по 1 сентября 1917 г. Площадка представляла собой, вопреки современным представлениям, не лужайку под открытым небом, а аудиторию Женского педагогического института, пустующую во время летних студенческих каникул, плюс приусадебный участок. Аудитория была большая и очень светлая, но мебель неподходящая: высокие столы и тяжелые стулья, предназначенные лишь для взрослых. Благодаря хлопотам С. И. Созонова, в распоряжение педагогов-энтузиастов поступил также зал, в котором стояло хорошо настроенное фортепиано. Е. П. Тыминская была хорошим музыкантом, льющиеся из-под ее пальцев звуки умиротворяли душу бедных детей улицы, составивших контингент детской площадки.

«Площадка была рассчитана на сто двадцать пять детей от трех до семи-восьми лет, но их пришло до ста пятидесяти! — писала Ю. И. Фаусек. — Возраст был самый разнообразный: кроме означенного возраста пришли дети и старше — десяти, двенадцати и даже четырнадцати лет; среди этих старших было несколько мальчиков, но большинство девочек-«няnek», принесших на руках своих годовалых братишек и сестреночек. Когда мы пытались им отказывать, аргументируя отказ тем, что площадка назначена для маленьких, девочки настойчиво утверждали, что «на руках у нас ведь маленькие», а что «сами мы не будем вам и маленьким мешать». Мальчики же возражали: «Нам надоело по улицам бегать», или: «Что же, по-вашему, нам лучше на улице собак бить?» — и не уходили. Пришлось соглашаться с подобными рода аргументами и принимать всех»⁸.

И оказалось, что эти подростки — поголовно неграмотные, не искушенные ни в какой иной науке, кроме уличной, — не только не помешали образовательному процессу, но стали его активными участниками, представляя, таким образом, и достойный пример для младших, и интереснейший объект для педагогических наблюдений. Они с жадностью набросились на дидактический материал Монтессори, особенно речевой и математический: «Няньки усаживали своих младенцев в уголочек на пол, положив перед ними брусок с цилиндрическими вкладками или кубики, или же, держа на одном колене малыша, — хватались за различные предметы материала, орудуя с ними с глубоким интересом. Вначале дети беспорядочно кидались от одного предмета к другому, но, при осторожной помощи руководительниц, скоро каждый углубился в то, что всего более его интересовало»⁹.

Трудно поверить, но большинство этих, таких больших уже детей, очень плохо различали цвета и, тем более, не знали их названий. В этой связи огромный успех имели цветные таблички для развития хроматического чувства: «Когда я показала им ящик с цветными табличками, восторгу не было конца — как со стороны девочек, так и со стороны мальчиков. Ящик был один и в то время уже очень дорогой, и потому я не могла предоставить его в полное распоряжение этих маленьких грязнулей (настоящего умывания мы не могли наладить; дети едва могли ополоснуть руки, часто без мыла). Я давала ящик детям только в своем присутствии. Через две-три недели эти дети сделали поразительные успехи в смысле распознавания цветов, что особенно ярко сказалось на рисовании, когда они стали осмысленно и обдуманно выбирать цветные карандаши для раскрашивания картинок»¹⁰.

Режим работы детской площадки соответствовал традиционному для детских садов и школ Монтессори.

Утренние часы дети проводили за занятиями с материалом в аудитории. Из-за неудобной мебели маленькие располагались просто на полу (летом 1917-го было не до ковриков), старшие же пытались устроиться за столами. После обеденного перерыва,

на которой дети расходились по домам (кормить их обедом летом 1917 г. организаторы детской площадки не имели финансовой возможности), им выдавалась бумага, карандаши и железные вкладыш Монтеessori: начиналась работа художественной студии. Иногда Ю. И. Фаусек приносила для раскрашивания картинки — контурные рисунки, сделанные ею самой. Дети особенно ждали этого события, как праздника: стоя у ворот института в ожидании, окружали ее и спрашивали: «А картинки сегодня будут?»

Режим работы иногда нарушался, но лишь из-за тяжелых условий жизни «большого» Петрограда 1917-го, вторгающихся в атмосферу этого оазиса детского развития на Петроградской стороне.

Голодным детям приходилось подолгу стоять в очередях за хлебом на всю семью с пяти-шести часов утра. Случалось так, вспоминает Ю. И. Фаусек, что из-за этого какие-нибудь пятилетние малыши, ничего не поевшие с утра, приходили в класс и тут же, в уголке на полу, ложились и тотчас засыпали. Выспавшись, они принимались за работу до перерыва и только тогда уходили домой в надежде поесть хотя бы чего-нибудь.

Неоднократно наблюдавшая такое, Юлия Ивановна еще и еще раз вспоминала слова Монтеessori, подтвердившую ее давнюю уверенность в значении работы для человеческой жизни: «Когда хотели определить истинного человека, отличая его от животных, то говорили “Гомо сапиенс”. Я думаю, нужно говорить “Гомо лаборанс”. Работой иногда спасает себя взрослый человек, но всегда спасается ребенок». Работа — вот собственно человеческий инстинкт, основной и глубокий призыв, на который каждый должен откликаться, чтобы стать Человеком с большой буквы. Примеров такого спасения в жизни взрослых мы знаем много, а Ю. И. Фаусек в своих работах привела их немало и из жизни детей.

Преподавателям оставалось лишь поражаться тем успехам, которые демонстрировали эти «цветы улицы», особенно индивидуальным путям их развития и фактического самообразования. И восхищаться гением Марии Монтеessori: все происходило именно так, как говорит она!

Показательным в этой связи стал процесс изменения отношения детей к «урокам тишины», на которые в то время со стороны педагогической общественности были одни нападки. Намерение Ю. И. Фаусек попробовать этот прием на детской площадке при Женском педагогическом институте вызвало сомнение даже со стороны ее сотрудниц: «Детей уж очень много, дети очень недисциплинированы, некоторые уже велики для подобного рода экспериментов». Но Фаусек дерзнула.

Вот выдержки из ее дневников.

«30 июня. Делаю попытки устраивать уроки тишины. Условия для этого весьма неблагоприятные: большое количество детей, самый разнообразный возраст (от полутора до тринадцати лет), неподходящая мебель (высокие длинные столы и высокие стулья для взрослых). Только некоторые дети понимают, в чем дело: сидят спокойно, молчат, закрывают глаза и тихонько выходят на мой зов; большинство же шумят, стучат кулаками и ногами, громко говорят, дают друг другу подзатыльники (старшие мальчики), с грохотом отодвигают стулья, не закрывают глаз, выжидательно смотря на меня, желая как можно скорее вскочить с места».

Спустя две недели: «18 июля. Уроки тишины значительно упорядочились... Большинство понимает, в чем дело, старается сидеть совсем спокойно, закрывать глаза, не поворачивать голову в сторону руководительницы, бесшумно вставать, медленно идти на зов. Некоторым это удается уже в совершенстве»¹¹.

Отдельного рассказа заслуживает еще один эксперимент Ю. И. Фаусек, осуществленный впервые в истории отечественной Монтеessori-педагогике именно на территории Женского педагогического института, — это так называемые «индивидуальные грядки».

На отведенной для детской площадки части институтского двора возвышалась небольшая горка, насыпанная над погребом. Юлии Ивановне пришла в голову идея использовать эту горку под индивидуальные грядки для детей. Горку разделили на террасы, а те, в свою очередь, на 75 индивидуальных грядок для детей старше 5 лет (каждому выпало от пятидесяти до семидесяти пяти сантиметров).

Эта затея стала действительной победой Ю. И. Фаусек и А. А. Перроте (также чрезвычайно любящей природу, знающей тонкости и подхода к детям, и ухода за растениями). На каждой грядке дети посадили какое-нибудь цветущее растение по собственному выбору: были гвоздики, настурции, трехцветные фиалки, резеда. У некоторых были и огородные овощи: редиска, горох, салат.

А. А. Перроте вспоминала, что поначалу на предложение устроить «садики» с большой охотой откликнулись только два мальчика: Вася Жуков 9 лет и Коля Стрижков 8 лет. Несколько недель дело шло с переменным успехом (бывало, чрезмерно активные дети просто затаптывали посадки), но постепенно наладилось, а через месяц грядки приобрели большую популярность и стали прекрасной иллюстрацией к тому, как благотворно действует работа по природе на воздухе на самых неорганизованных ребят.

Юлия Ивановна также отмечала тот колоссальный успех, который обрели со временем грядки: «Дети ухаживали за ними самым тщательным образом; были такие, которые, придя с утра, не входили в класс, а оставались у своих грядок, проводя часами время в немом созерцании. Были случаи, что некоторые приносили где-то выкопанное растение и пересаживали его на свою грядку. Один большой уже двенадцатилетний мальчик притащил как-то откуда-то добытый им высокий подсолнечник с корнями и посадил его на своей грядке. Восторгу его не было конца, когда подсолнечник прижился и продолжал расти. Часто можно было видеть его стоящим рядом со своим питомцем и радующимся его быстрому росту. Некоторые мальчики не хотели уходить домой, чтобы остаться на ночь караулить свои грядки. “А то кто-нибудь испортит, мы ж работали!” — говорили они. У них уже зародилось чувство бережливости и уважения к труду. Дети с такой любовью относились к растениям, жизни которых они способствовали своим трудом и заботами, что, когда у них вырастала редиска или салат, они, сами вечно голодные, не хотели их срывать для еды, им жаль было с ними расставаться»¹².

Из этого эксперимента, впоследствии неоднократно воспроизведенного с таким же результатом, Ю. И. Фаусек сделала вывод, который безуспешно пыталась донести до умов поклонников воспитания коллективизма у дошкольников: индивидуальная работа с материалом и «индивидуальные» грядки не делают из детей собственников и индивидуалистов, наоборот, объединяют их вокруг одинаковой работы, вызывающей общий интерес и толкающей их к взаимопомощи.

В мае следующего 1918 г. администрация «Детского городка» предложила Ю. И. Фаусек устроить летнюю площадку еще более широких масштабов, чем в прошлом году, и продолжать применять в работе на ней приемы системы Монтессори. Ей потребовалось уже восемь помощниц: 4 «монтессорийки» (среди них А. Н. Верховская, Е. П. Тыминская и А. А. Перроте) и 4 студентки Женского педагогического института.

На устройство площадки был отведен большой участок на Петербургской стороне, так называемая Ждановская коса. Окруженная водой со всех сторон (с одной стороны Невой, а с другой — речкой Ждановкой), эта местность густо поросла травой, кустарниками и имела совершенно деревенский вид. На средства, собранные А. И. Зилоти, рабочие находящейся в том же районе текстильной фабрики провели строительные работы: пристроили к имевшемуся там маленькому домику обширный застекленный павильон из старых парниковых рам, где расставили простые столы с подпиленными ножками (под рост детей) и такие же низенькие скамейки из струганных досок. Для дидактического материала Монтессори соорудили подходящий шкаф.

Детей было более двухсот, в возрасте от одного года до десяти-одиннадцати лет. Опять заявили «няньки» с малышами на руках (и девочки, и мальчики). Два ненасытных желания целиком охватывало этих детей — хлеба и умственного труда. И Юлия Ивановна окончательно убедилась в том, что если дать детям сначала минимальное количество хлеба, чтобы хотя бы немного утолить голод, а затем — обстановку свободного организованного труда, какую дает Монтессори, то они покажут самую драгоценную сущность человека — его стремление к чистому знанию, способность к сосредоточенному и постоянному труду.

Второй год работы детской площадки по методу Монтессори при Женском педагогическом институте послужил для Ю. И. Фаусек, знавшей о требованиях к воспроизводимости научного эксперимента, серьезным аргументом в полемике с противниками системы Монтессори. Тот факт, что в еще более трудных бытовых условиях двести детей всего за три месяца продемонстрировали научно предсказуемые результаты, стал неопровержимым доказательством в пользу теоретической обоснованности и эффективности данного метода научной педагогики.

Таким образом, «двухлетняя» (в буквальном смысле слова — с 1 июня по 1 сентября) деятельность Юлии Ивановны Фаусек на детской площадке Женского педагогического института стала уникальным экспериментом в масштабе мировой Монтессори-педагогики и в истории отечественной педагогики.

Кроме того, детская площадка стала также первой в послереволюционное время кузницей кадров для отечественной Монтессори-педагогики: осенью 1918 г. «Детский городок» открыл на Петроградской стороне детский дом по системе Монтессори на пятьдесят детей. Во главе него стали руководительницы, проработавшие с Юлией Ивановной целое лето (предположительно А. Н. Верховская и Е. П. Тыминская). А Юлия Ивановна, к тому времени принудительно выселенная из квартиры на Петроградской стороне и проживающая при 25-й советской школе на Офицерской улице, разработала «План работы в “Детском доме” для приходящих детей», став фактически не только его вдохновителем, но и автором его образовательной программы.

Дом, благодаря комплекту Петцель и самодельным материалам Ю. И. Фаусек, был хорошо оборудован, работа в нем, по ее свидетельству, протекала очень интересно, но лишь до 1920 г., года первого советского наступления на «буржуазные» системы дошкольного воспитания¹³.

К глубокому сожалению Юлии Ивановны (к тому времени создавшей детский сад по системе Монтессори при Педагогическом институте дошкольного образования) ей даже не удалось спасти монтессорианские дидактические материалы и собственные разработки — их расплыли по «советским» очагам, где они не могли принести пользы.

Детский сад и начальная школа при Педагогическом институте дошкольного образования — ЛГПИ под личным руководством Юлии Ивановны Фаусек, претерпевающей колоссальное идеологическое давление, с одной стороны, и козни со стороны коллег-завистников — с другой, жил и эффективно работал, вопреки всему и вся, до 1930 г.

Но это уже предмет другого исследования.

Примечания

1. См., например: *Петрова Н. Б.* Педагогическое наследие Ю. И. Фаусек как опыт реализации системы М. Монтессори в отечественной дошкольной педагогике: Дис. ... канд. пед. наук. Череповец; Смоленск, 2002; *Сороков Д. Г.* Вслед за Юлией Фаусек // *Богуславский М. В., Сороков Д. Г.* Юлия Фаусек: тридцать лет по методу Монтессори. М., 1994. С. 106–133; *Сороков Д. Г.* Семь «Я» Юлии Андрусовой—Фаусек, или Реконструированная история ее педагогики // *Фаусек Ю. И.* Педагогика Марии Монтессори / Современ. ред. Е. А. Хилтунен; науч. редакция, послесл. и коммент. Д. Г. Сорокова; пре-

Юлия Ивановна Фаусек и детская площадка по методу Монтессори...

дисл. М. В. Крулехт. М.: Генезис, 2007. С. 292–343; *Фокин С. И.* Память живет в веках // Санкт-Петербургский университет. 2007. № 15. С. 25–31.

2. *Фаусек Ю. И.* Месяц в Риме в «Домах детей» Марии Монтессори. Пг., 1915.

3. В работе над статьей автор опирался преимущественно на неизданные «Воспоминания» Ю. И. Фаусек, рукопись «Воспитание в природе», а также на материалы ее книг: *Фаусек Ю. И.* Метод Монтессори в России. Пг.: Изд-во «Время», 1924; *Фаусек Ю. И.* Детский сад Монтессори. Опыты и наблюдения в течение двенадцатилетней работы в детских садах по системе Монтессори. 2-е изд, испр. М.; Л., 1926.

4. Чудесная работа изумительного мастера! (*итал.*).

5. Такая работа в России не столько воспроизводит и интерпретирует, сколько продолжает и развивает мою. С великим почтением. Ваша Мария Монтессори (*итал.*).

6. Ранее в Москве подобную работу начали С. Т. Шацкий, А. У. Зеленко, Л. К. Шлегер и др., организовавшие клубы для детей и подростков из рабочей среды в районе Бутырок и Марьиной рощи — общества «Стелемент» (1906), «Детский труд и отдых» (1909) — *Прим. автора.*

7. *Фаусек Ю. И.* Метод Монтессори в России... С. 18.

8. Там же. С. 18–19.

9. Там же. С. 19.

10. Там же.

11. Цит. по: *Фаусек Ю. И.* Детский сад Монтессори...

12. *Фаусек Ю. И.* Метод Монтессори в России... С. 21–22.

13. Выступая в печати, зав. дошкольным отделом Наркомпроса Д. А. Лазуркина призывала «к борьбе с пустившим корни так называемым “свободным воспитанием”». На конкретных примерах она показывала, «какое уродливое преломление на практике получают идеи “саморазвития ребенка”, противостоящие установкам на руководящую роль воспитания».